

УДК 159.99

*А.А. Гайворонская***МОДЕЛИРОВАНИЕ ПСИХОСЕМАНТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА**

В статье рассматриваются модели психосемантики политического экстремизма. Психосемантический подход к феномену экстремизма выражается в существовании психологической (семантической) структуры феномена экстремизма, сформированной различными типами значений, категориальными структурами, «классифицирующими» этот феномен на разных уровнях. При использовании триангуляционного подхода был получен признак, базисный для интерпретации феномена политического экстремизма. Представленные модели психосемантики (*потребностно-функциональная* и *процессуально-инструментальная*) выделяют этот признак, а именно, субъективные представления о справедливости. Несовпадение субъективно принятых эталонов-представлений о социальной справедливости с реальным положением в обществе становится объективной предпосылкой протестных (в том числе экстремистских по форме выражения) выступлений. Принятие системы идеологических, религиозных и политологических взглядов, потенциально предполагающих применение методов экстремизма в процессе достижения социальной справедливости, создает основу для личностной и групповой идентичности вокруг идеологии и практики экстремизма.

Ключевые слова: моделирование, политический экстремизм, психосемантика, картина мира, триангуляция, концепт, справедливость, *потребностно-функциональная, процессуально-инструментальная.*

В современных когнитивных исследованиях довольно часто применяется метод моделирования. Синтетический подход, используемый на базе моделирования, способствует раскрытию и объяснению свойств изучаемого социально-психологического феномена. Выбор модели в рамках психосемантики обусловлен адекватностью описания изменчивости изучаемых характеристик феномена, в нашем случае – политического экстремизма. Психосемантика – это область психологической науки, изучающая картину мира индивидуального или коллективного субъекта на основе реконструирования способов категоризации систем значений. К способам категоризации можно отнести обобщение, типизацию полученных знаний и житейского опыта: например, поиск и уточнение одного из значений при помощи другого более близкого и понятного; установление взаимоотношений. Известно, что категории представлены понятиями, которыми пользуются в повседневной жизни. Категории могут описывать специальные знания, повседневные события, научные факты, политические феномены, образуя при этом сложную семантическую организацию. Реконструированные способы категоризации систем значений – это разнообразные проекции картины мира субъекта(-ов). Картина мира представляет собой модель действительности, состоящей из образов себя и явлений, их объяснения. Научные знания, жизненный опыт, ценности, традиции, установки – всё это содержится в картине мира, когнитивных моделях, проявляющихся как индикаторы человеческого сознания. Психосемантический подход к феномену экстремизма представляет собой существование психологической (семантической) структуры феномена экстремизма, сформированной различными типами значений, категориальными структурами, «классифицирующими» этот феномен на разных уровнях взаимодействия с субъектом или группой. При этом мы полагаем, что существуют устойчивые правила трансляции такой классификации в категориальные структуры развивающихся систем значений, в том числе – вербальных или деятельностных.

Описанию феномена экстремизма, в том числе политического, посвящено достаточное количество работ. Это исследования М.И. Ефремова, где политический экстремизм определяется как специфичный метод в борьбе за политическую власть [4]. В.А. Мальцев рассматривает политический экстремизм как идеологию, политику и практику наиболее реакционных сил, от ультраправых до ультралевых, которые в политической борьбе за власть придерживаются крайних мер и средств насилия [7]. В исследованиях Л. Дробижевой и Э. Пай политический экстремизм приравнивается к ксенофобии [4]. Н.Е. Макаров полагает, что он обусловлен затяжным социально-экономическим кризисом, обнищанием и падением уровня жизни значительной части населения, криминализацией общественной жизни, включая властные структуры; потерей единых целей «общего дела»; элементом фрустрации, дезориентации и ощущением безысходности граждан РФ, а также терпимостью к политическому насилию [6]. Р.Н. Гетц исследует политический экстремизм как социально-политический институт, в рамках которого взаимодействуют оппозиционные группы и индивиды; предполагающий за-

хват и удержание политической власти или ее дестабилизацию; при этом применяются нелегальные средства и методы, включая нелегитимные ценностно-реализуемые насильственные методы и средства [2]. На наш взгляд, наиболее развернутое описание данного феномена дает в своем диссертационном исследовании Р.А. Амирокова, понимающая под этим феноменом многомерное и сложное социальное явление, выступающее и как идеология (философия), и как практика, и как механизм этносоциальной и религиозной мобилизации, и, вообще, как принцип и инструмент политической жизни [1].

В их исследованиях объяснения данного феномена осуществляются на основе одной или двух категорий. Мы полагаем что данные трактовки односторонне объясняют такой сложный полифоничный феномен. При этом мы уверены, что в определениях феномена политического экстремизма однозначно выделить *сущностный* признак проблематично, но, если воспользоваться триангуляционным подходом для формулирования определения экстремизма, в том числе политического, то в модели можно отразить существенные характеристики этого феномена. Суть триангуляции составляет техника построения третьей точки на основе двух известных.

Проявление экстремизма в той или иной форме сопровождало и сопровождает всю историю эволюции человечества. Следовательно, это не случайное явление, а необходимый элемент развития человечества. Категория «экстремизм» (пассионарность, нетерпимость, радикализм, стремление к изменениям) составляет диалектическую пару с категорией «стабильность» (стагнация, терпимость, упадок, стремление к «покою»). Известно, что для человека как субъекта жизнедеятельности важно его существование в мире, в обществе, где заданы правила, где существуют традиции и есть определенный порядок действий, и где безопасно. Любые изменения, нововведения могут восприниматься как угроза, как вторжение. Вероятно, стабильная, но уже исчерпавшая себя система общественных отношений воспринимает любые изменения как радикальные, как экстремистские, то есть противоречащие устоявшимся нормам и угрожающие стабильности общества. По истечении же времени те изменения, которые рассматривались как экстремистские, на новом этапе развития общества и политического сознания оцениваются как положительные, прогрессивные. При этом, если экстремизм и приводит к созданию «нежизнеспособного» общества (тоталитарного, авторитарного, авторитарного, авторитарного, антидемократического), то стабильность этого социального образования недолговечна и, соответственно, оценка экстремизма как движущей силы социального переустройства приобретает отрицательный, деструктивный, реакционный характер. Например, только благодаря «экстремистским» призывам к народовластию существует демократия. Если бы не было «экстремистских» мер по противодействию рабовладению, женскому неравноправию, эксплуатации детей и др., – всё это существовало бы до сих пор. По всей вероятности, идеи экстремистского направления направляют субъектов, представителей общества, общественные группы на осуществление крайних, антигуманных действий для изменений традиционного социального порядка.

В данном исследовании изучение свойств и характеристик феномена *экстремизм* на основе триангуляционного подхода способствовало выделению *существенного* признака – концепта «справедливость». Во всех эволюционных, революционных, политологических, религиозных и экстремистских концепциях, так или иначе можно выделить понятие социальной справедливости, содержание которого существенно различно в зависимости от исторического этапа развития общества, социально-политических и экономических условий, уровня идентичности, стиля жизни в целом. Например, в античные времена справедливость (по Аристотелю) выражалась в «равенстве для равных», Платон видел в ней «поиск блага»; «справедливость как честность» рассматривалась в теориях Дж. Роулза [8]. В современных исследованиях выделяется точка зрения О.А. Гулевич, которая считает, что справедливость выступает критерием, при помощи которого человек оценивает окружающих людей события. Несправедливость может вызывать отрицательные эмоциональные состояния [3]. Идея справедливости в исследованиях Н.Р. Кожемяченко рассматривается как основа ментальности, как идеальная норма, способная увлечь человека к преобразению бытия [9]. По-видимому, несовпадение «эталонов» представлений о справедливости с реальным положением может вызывать агрессивные действия (экстремистские), направленные на изменение существующего порядка.

При этом отметим, что не существует четко измеряемых критериев социальной справедливости. Можно полагать что декларируемые принципы социальной справедливости содержат только общие качественные параметры, выраженность которых можно определить исключительно путем сравнения с определенным эталоном или определенным историческим этапом. Несовпадение субъективно принятых эталонов-представлений о социальной справедливости с реальным положением в

обществе выступает объективной предпосылкой протестных (в том числе экстремистских по форме выражения) выступлений. Как показывает исторический опыт, подобное несовпадение эталонов (представлений о справедливости) с реальным положением может превращаться в орудие завоевания политической власти, как средства разрешения субъективно переживаемого состояния несправедливости по отношению к конкретному субъекту, группе, партии, народу. Например, Сальвадор Альенде за свои прокоммунистические взгляды был признан экстремистом. Другой деятель – революционер, борец за справедливость Патрис Лумумба, также в международном праве считается экстремистом. Аугусто Пиночет (чилийский государственный и военный деятель) осуществил военный переворот, но в международном праве он не считается экстремистом. Экс-президент Заира Сесе Мобуту (устраивал публичные казни политических оппонентов) также признан и уважаем в международном праве. Отличительная особенность феномена экстремизма – это декларирование идей более справедливого будущего, идей, теорий, представлений, оправдывающих насилие, проявления жестокости.

Таким образом, *экстремизм политический* представляет собой доминирование определенных идеологических представлений о способах, скорости и средствах установления более справедливых социальных отношений между социальными субъектами общества: классами, большими социальными группами (их институтами).

Из этого определения следует:

1. Социальные представления о справедливости истинности общественного переустройства первичны.
2. Проявления (поступки, действия, деятельность) социальных представлений субъектов о справедливости вторичны.
3. Общая декларируемая цель для всех субъектов экстремизма заключается в целях более справедливого перераспределения социальных благ, ценностей, социальных ролей, статусов, а также установлении приоритета, стиля жизнедеятельности, взаимоотношений в соответствии с субъективными критериями справедливости.

Использование социальных представлений в определении обусловлено тем, что социальные представления – это ведущая характеристика и общественного и индивидуального сознания. С. Московиси полагает, что через понятие «социальный» выражается способность представления возникать через социальные взаимодействия и общение между индивидами и группами и отражать, по-разному, исторические, культурные и экономические условия, обстоятельства и практики. Социальные представления – это «наивные теории», объясняющие события окружающего мира [12]. Системы значений, которые содержатся в социальных представлениях, отражают отношение к социальной действительности, они могут иметь разное внутреннее обоснование и могут определяться либо возникшей ситуацией, либо на основе сознательно используемых личностью ценностей.

В основе политического экстремизма лежит потребность общества и его представителей в справедливости. Соответственно, потребностно-функциональная модель представляет потребности и ряд функций в описании феномена *политический экстремизм*, поскольку проявления (потребности и функции) обусловлены и реализовываются в присущих ему (политическому экстремизму) формах как *субъективно понимаемые эталоны справедливости*. Поэтому категория «*справедливость*» является логичным объяснением внутренней центральной и внешне декларируемой сути политического экстремизма. Полагаем, что данное определение воспринимается как понятное, социально полезное и гуманистически ориентированное явление: установление социальной справедливости, торжество добродетели, призыв к совершенствованию политических систем и т. д. Потребностно-функциональная модель психосемантики экстремизма состоит из следующих компонентов: общечеловеческая потребность в *социальной справедливости*; сравнение положения индивида, группы, партии с эталонным представлением о социальной справедливости; возникновение когнитивно-эмоционального диссонанса, вербальное или деятельное проявление субъективных представлений о превосходстве одной партии над другой в социальном взаимодействии как экстремизм политический; реализация в присущих экстремизму формах потребности части социума в установлении субъективно понимаемых эталонов справедливости (функций) и достижение власти (статуса) как средства установления более справедливого общественного порядка (цель).

Однако представленная *потребностно-функциональная модель* («каковы цели?») вступает в противоречие с *процессуально-инструментальной моделью экстремизма* («как?», «каким образом?», «с помощью каких средств?», «как быстро предполагается достичь субъективно понимаемые эталоны

справедливости»). Для выяснения структуры *процессуально-инструментальной* модели экстремизма используются объяснительные возможности таких категорий, как «оценка», «сила», «активность», «толерантность/интолерантность», «истинность», «идентичность», «агрессия» и «скорость социальных преобразований».

Если обратиться к категории «оценка», то в оценочном континууме значений «справедливо – несправедливо» нет места для промежуточных оценок: они жестко противопоставлены. Для экстремистски ориентированной личности существует установка, что только используя жесткие меры (устрашение, шантаж, манипуляция) возможно радикально изменить обстановку, добиться претворения своих целей. Конечно, действия, осуществляемые экстремистами (террористами), строго осуждаемы и ничем не могут быть оправданы ни теракты, ни шантажи, ни убийства.

Если коснуться категории «сила», то можно отметить, что системы значений описывают *следование* эталонам справедливости. Это и отражение убеждений, сопричастности к событиям, и то как человек воспринимает свое окружение, происходящие с ним события, с какой силой реагирует на них. Несправедливые решения властных структур, халатность чиновников, возникающие в силу разных обстоятельств, например, отмены нерентабельных электричек, повышения тарифов на оплату услуг, могут спровоцировать митинги, протестные акции, шествия. Хотелось бы отметить, что убежденность (правда) экстремистски ориентированной личности иррациональна и может быть обусловлена предшествующими травматичными событиями из жизни. М.Я. Яхъяев считает, что мистические откровения, интуиция для этих людей заменяют познание реальности и логические рассуждения, создавая почву для различного рода отклонений от нормальной логики рассуждения [11].

Категория «активность» связана с *поиском* идеалов справедливости. Идеалы могут быть напрямую связаны с интересами того, кто занимается поисками справедливости. Возможно, что поиск справедливости прежде всего выражает договор (соглашение) между интересами личности и его окружения. Активность этого поиска может быть представлена разными системами значений, описывающими и патриотизм, и гражданскую позицию или противоположной план: национализм, маргинализацию, нигилизм. И, как следствие, это отражается в системах значений, выражающих чувство неприкаянности, изоляцию от общества, отчужденность от окружающих, разочарованность, униженность, иногда виктимность, а иногда и превосходство над окружающими. Категория «активность» проявляется в составлении планов действий, строгой поэтапности их выполнения. Вероятно, это может выражаться в создании и навязывании конфронтационных установок, а именно: в формировании образа врага и агрессивных действий к инакомыслящим.

Определение оптимального баланса значений и реального поведения в диаде взаимосвязанных категорий «толерантность – интолерантность» является одной из тех ключевых проблем, решение которой позволит своевременно распознавать (диагностировать) экстремизм в идеологии и социальной практике на ранних стадиях его генеза. Так, например, соблюдение в поведении толерантных установок, поиск компромисса способствуют и комфортным условиям жизни, и предупреждению конфликтных межличностных отношений, и соблюдению закона. *Интолерантность* – это *дискриминация* по признаку расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, политических предпочтений. В дискриминации можно рассмотреть проявления этнической напряженности или политического насилия низкой интенсивности.

Важно отметить, что в интерпретации категории «толерантность – интолерантность» семантическая нагрузка значений по факторам «сила» и «активность» имеет тенденцию к полюсам «слабый» и «пассивный», при этом смысл значения интолерантность скорее раскрывается в активной, наступательной позиции (а не потенциальной и статичной). По фактору «оценка» (хороший – плохой) толерантность нельзя адекватно интерпретировать вне культурно-исторического, национально-религиозного контекста. «Толерантность», «агрессия» связаны с оправданием насилия, культивированием жестокости, созданием атмосферы страха, убийства, неприятием компромиссов, способностью видеть мир в черно-белом свете. В результате дети, подростки, прошедшие подготовку в экстремистских лагерях, отличаются крайней жестокостью, например, в социальных сетях регулярно размещаются фотографии детей, держащих отрубленные головы и играющих на улице среди обезглавленных тел, растерзанных прямо посреди улицы [10].

Для объяснения взаимосвязи категории «идентичность» с феноменом политический экстремизм будем исходить из положения о том, что идентичность характеризует сознательно выбранную принадлежность индивида к некоторой группе, которая является для него референтной по взглядам,

образу и подобию суждений и поведения. Противоречивые процессы социализации в обществе, воспроизводство и трансляция традиций, ценностей, их интерпретация создают модель поведения для личности, в некоторых случаях эта модель может иметь маргинальный характер, который может проявляться в отрицании стереотипов, правил, традиций (нигилизм) в жизнедеятельности. Проявления такого поведения связаны как с внутренними (психологическими), так и внешними (социальными) противоречиями. Принятие системы идеологических, религиозных, политологических взглядов, которые потенциально предполагают применение методов экстремизма, в процессе достижения социальной справедливости создает основу для личностной и групповой идентичности вокруг идеологии и практики экстремизма.

Одна из важнейших категорий – это «*скорость социальных преобразований*», которая выражает временные параметры (быстроту приобретения) осуществления экстремистских целей, а именно – достижение в короткие сроки авторитета, статуса, превосходства среди окружающих, материального благополучия. Выбор кратчайшего пути к достижению целей, признание того, что «цель оправдывает средства», максимализм, ригидность – так описывается эта категория. Для привлечения новых членов в свои организации используется огромное количество специфических методов (разрушение традиционных ценностей, создание новой идентичности и др.). В таких группах происходит обмен мнениями, знаниями, опытом, а также взаимное убеждение и внушение, ускоряющее решимость совершить преступление. Простота и прозрачность основных положений экстремистской идеологии не требуют глубоких размышлений над ее содержанием. Управление и использование в своих интересах представлений о справедливости связано с реализацией конкретных планов (целей), а именно – доказательство слабости (неспособности) политической власти реагировать на конкретные действия, события (марши/демарши, акции, забастовки, террористические акты и др.), на снижение авторитета политических структур, демонстрацию силы и безграничности возможностей экстремистских организаций. Хотелось бы отметить, что вопросы, связанные с обсуждением политических ситуаций, возможных решений, должны иметь место. Экстремистскими же они становятся, когда тема связывается с негативным односторонним отношением, и конечная цель – это навязывание единственно правильных (экстремистских) идей. Экстремистские действия, а именно, возбуждение розни, вражды, массовые беспорядки, оправдание (легитимность) противоправных действий, призыв к насильственному изменению строя, морально-психологическое и вербальное запугивание, убийства, вовлечение (рекрутирование) в экстремистскую деятельность, подавление этнокультурных, социальных идентификаций, зомбирование, декларирование экстремистских норм, принципов, погромы, диверсии, взятие заложников, уничтожение материальных и культурных ценностей – можно рассмотреть при помощи этих категорий/параметров. Рассмотрение этих действий (позиций) относительно представленных категорий помогает выявить дополнительные параметры в осмыслении феномена политического экстремизма.

Вывод: представленные *потребностно-функциональная* и *процессуально-инструментальная* модели психосемантики экстремизма выделяют *существенный* признак этого феномена, в том числе политического экстремизма. Это – субъективные представления о социальной несправедливости (место, роль, потребности, функции) той или иной политической организации в общественном управлении, представления о превосходстве того или иного политического института. Концепт «справедливость» в социальных представлениях выступает *идеальной нормой* (эталон), обуславливая вербальные или деятельностные проявления, направленные на изменение места, роли, превосходства той или иной политической партии, политической структуры общества. Представленные категории, описывающие феномен политического экстремизма, выступают маркерами, при помощи которых можно диагностировать проявления феномена экстремизма, в том числе политического.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирокова Р.А. Политический экстремизм в современном политическом процессе России: дис. ... канд. полит. наук. Черкесск, 2006. 161 с.
2. Гетц Р.Н. Современные технологии противодействия политическому экстремизму в Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, РГБ, 2012. 61 с.
3. Гулевич О.А. Нормы справедливости: роль социального контекста // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 83-94.
4. Дробижева Л., Паи Э. Политический экстремизм и терроризм: социальные корни проблемы // Век толерантности. 2007. Вып. 5. С. 27.

5. Ефремов М.И. Политический терроризм как форма этнического и религиозного экстремизма // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2010. № 2 (18). С. 23-29.
6. Макаров Н.Е. Политический экстремизм как радикальная модель политического процесса и организация государственного противодействия экстремизму: дис. ... канд. полит. наук. Чита, 2006. 161 с.
7. Мальцев В.А. Основы политологии: учебник для вузов. М.: ИТРК РСФСР, 1998. С. 237.
8. Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация: монография. М.: Московский гуманитарный университет, 2011. 236 с.
9. Кожемяченко Н.Р. Идея справедливости в русской религиозной философии как основа русской ментальности // Изв. Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена // Аспирантские тетради. СПб., 2008. № 37(80). С. 166-172.
10. Нурсеитова Т. Бахытжан Сатершинов: Дети, прошедшие лагеря смерти ИГИЛ, уже не дети, а жестокие убийцы // Сетевое издание «Zakon.kz». 12.01.2016. URL: <http://www.zakon.kz/4767938-bakhytzhansatershinov-detiproshedshie.html> (дата обращения: 25.02.2016).
11. Яхьяев М.Я. Феномен экстремизма: методологические проблемы исследования // Науч. вестн. Волгоградской академии государственной службы. Сер. Политология и социология. 2011. № 1 (5). С. 18.
12. Moscovici S. Why a theory of social representations? // Representations of the social: bridging theoretical traditions / Eds. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 18-61.

Поступила в редакцию 18.01.17

A.A. Gaivoronskaya

MODELING THE PSYCHOSEMANTICS OF POLITICAL EXTREMISM

This article discusses the model of psychosemantics of political extremism. The psychosemantic approach to the phenomenon of extremism is expressed in the existence of the psychological (semantic) structure of the phenomenon of extremism, made up of various types of values, categorical structures, "classifying" this phenomenon at different levels. The triangulation approach has made it possible to obtain a characteristic that is basic to the interpretation of the phenomenon of political extremism. The presented models of psychosemantics (the functional requirement-related model and the procedural-instrumental one) single out this basis, namely, the subjective understanding of justice. The discrepancy between the subjectively accepted standards – ideas about social justice with the real situation in society is a prerequisite for the objective of protests (including extremist forms thereof). The adoption of a system of ideological, religious, political views which potentially involve the application of methods of extremism in pursuit of social justice provides a basis for personal and group identity around the ideology and practices of extremism.

Keywords: modeling, political extremism, psychosemantics, world view, triangulation, concept, justice, functional requirement-related model, procedural-instrumental model.

Гайворонская Александра Александровна,
кандидат психологических наук, доцент

Юридический полицейский колледж, Смоленский филиал
214025, Россия, г. Смоленск, ул. Багратиона, 63
E-mail: agajvoronskaya@yandex.ru

Gaivoronskaya A.A.,
Candidate of Psychology, Associate Professor

Legal Police College (Smolensk branch)
Bagrationa st., 63, Smolensk, Russia, 214025
E-mail: agajvoronskaya@yandex.ru